

УДК 323.2

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА В РОССИИ В ПЕРИОД 2000–2017 ГГ.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И БАЗОВЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ*

Шатилов Александр Борисович,

канд. полит. наук, профессор, декан факультета

социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Аннотация. В статье поэтапно анализируется процесс формирования концепта государственного патриотизма в Российской Федерации в период 2000–2017 гг. Автор выделяет ключевые идеологемы, характерные для того или иного периода развития страны в указанные годы. Одновременно он исследует идейно-мировоззренческие приоритеты отечественного истеблишмента, а также общественные настроения, созвучные или противоречащие официальной идеологической линии. Выявляется специфика развития различного рода идеологем в элитных кругах с учетом многосоставного характера российского правящего класса. В заключение подчеркивается, что концепт государственного патриотизма является основной политической скрепой Российской Федерации и одновременно обеспечивает взаимопонимание различных страт российского общества.

Ключевые слова: патриотизм; государство; государственность; суверенная демократия; управляемая демократия; инновации; «глобальное акционерное общество»; Русский мир; «крымский консенсус»; элиты, идеология.

FORMATION OF THE CONCEPT OF STATE PATRIOTISM IN RUSSIA FOR THE PERIOD 2000–2017: MAIN STAGES AND BASIC IDEOLOGY COMPONENTS

Shatilov A.V.,

PhD in Political Science, Professor, Dean of the “Sociology and Political Science”

Faculty, Financial University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of formation of the concept of state patriotism in Russia for the period 2000–2017. The author outlines the key ideology components that characterize a particular period of country's development in the specified years. At the same time, he explores ideological and philosophical priorities of the native establishment and public attitudes that are consonant with or contradictory to the official ideological line. Specificities of various ideological components within the elite circles taking into account complex nature of Russian “ruling class” are identified. In conclusion it is emphasized that the concept of the state patriotism is a core political “staple” of the Russian Federation and at the same time provides mutual understanding among different stratum of Russian society.

Keywords: Patriotism; state, statehood; sovereign democracy; managed democracy; innovations; “global joint-stock society”; Russian world; “Crimean consensus”; elites; ideology.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2017 г. по теме «Социально-политические проблемы согласования интересов страт современного гражданского общества в регионах Российской Федерации».

На момент прихода В. В. Путина к власти у России не было какой-либо государственной идеологии. Это было обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, в своем противостоянии с КПСС Б. Н. Ельцин и его сторонники по «демократическому лагерю» сделали ставку на «деполитизацию» в противовес тотальной идеологизации общественной жизни в СССР. Об этом свидетельствует один из первых указов Ельцина в статусе Президента РСФСР от 20.07.1991 «О департизации». Соответственно, практически все годы своего пребывания на посту главы государства он принципиально отказывался от выработки даже общих и гибких идейно-мировоззренческих основ своей политики. Более того, в ст. 13 Конституции 1993 г. по инициативе «демократов» специально был внесен пункт о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Во-вторых, период 1990-х гг. был временем торжества либерально-демократической идеи в ее западном понимании, когда данная идеология воспринималась как ее сторонниками, так и противниками как «универсальная и безоговорочная», особенно в элитных кругах. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитую работу Ф. Фукуямы «Конец истории». Соответственно, у российского руководства даже не возникало мысли о выработке каких-либо альтернативных идеологических и мировоззренческих проектов, особенно с учетом «ограниченного суверенитета» Российской Федерации и доминирования «западнических» ценностей в обществе.

В-третьих, в 1990-е гг. Россия находилась в крайне тяжелой социально-экономической и политической ситуации, более того, в определенные периоды ее постсоветской истории (например, после дефолта) возникали вопросы относительно жизнеспособности страны и возможности ее распада. Такие мобилизационные условия дополнялись активным политическим противостоянием между «коммуно-патриотической» оппозицией и властью, дважды выходящим на пик конфронтации (события сентября-октября 1993 г. и президентские выборы 1996 г.). Понятно, что все это препятствовало поиску идеологических «скреп» в рамках широкой общественной дискуссии. Полярные политические силы не были готовы ни к идеологическому компромиссу, ни к идеологическому синтезу.

С избранием президентом Российской Федерации В. В. Путина ситуация несколько меняется, хотя и не сразу. Новый глава государства не собирался оперативно пересматривать наследие предшест-

венника, тем не менее в начале 2000-х гг. властью предпринимаются попытки выработать пусть и временную, но объединяющую идею. Главным идеологом в это время становится заместитель главы Администрации Президента РФ В. Ю. Сурков, которому было поручено подобрать гибкую идеологическую схему, способную консолидировать общество и, что самое главное, — новую и старую элиту.

Концептуально была избрана известная триада Ф. Гегеля «тезис-антитезис-синтез». В качестве тезиса рассматривалась прежняя, советская идеология, которая после демократической революции 1991–1993 гг. была вытеснена антитезисом либерализма. Соответственно, компиляция двух идеологических проектов — советского и постсоветского (ельцинского) — была призвана преодолеть перегибы разных эпох и настроить граждан на строительство новой, политически компромиссной России. Это нашло выражение в целом ряде демонстративных шагов со стороны администрации В. В. Путина. В качестве примера можно вспомнить и восстановление прежнего советского гимна в сочетании с постсоветским двуглавым орлом, и возобновление широкого празднования Дня Победы 9 мая, и налаживание позитивных контактов власти с «конструктивной оппозицией» в лице КППФ.

Для элиты и интеллектуальной части общества был предложен более сложный идеологический концепт — проект «суверенной демократии», призванный создать удобный «микст» для различных частей «путинского истеблишмента», который, как известно, формировался на первом этапе из числа соратников президента по работе в ПГУ КГБ СССР и петербургской мэрии (1991–1996 гг.), т.е. так называемых питерских силовиков и так называемых питерских либералов. С учетом их несовпадающего политико-культурного кода верховная власть предложила данным элитным сообществам найти для себя в новой консолидирующей идеологической конструкции приемлемую составляющую. Так, силовикам должна была импонировать идея суверенности России, а либералам — тезис о демократии. Самое интересное, что все эти положения и ранее было прописаны в Основном законе российского государства. Так, п. 1 ст. 1 говорит о нашей стране как о «демократическом... правовом государстве», а непоколебимость суверенитета отражена в п. 1 ст. 4.

Одновременно идеологема суверенной демократии примерно в эти же годы (2004–2005 гг.) неофициально была дополнена тезисом об «управляемой демократии». Данное понятие, хотя и было в свое

время сформулировано для характеристики около-авторитарных режимов в Индонезии и других странах АТР, тем не менее было вполне адаптивно для политических реалий первой половины 2000-х гг., поскольку отвечало общественным желанием порядка и стабильности. На контрасте с «лихими 90-ми» ужесточение власти и унификация политической системы воспринимались обществом не как нарушение прав и свобод, а как возвращение к сильной и авторитетной государственности. Обеспокоенность по поводу этатизации политической жизни в Российской Федерации на тот момент выразили только несистемные либералы, которые и так были недовольны консолидирующими инициативами Владимира Путина (контртеррористическая операция в Чечне, «равноудаление олигархов», дело ЮКОСа и др.). Так, например, глава Информационного центра «Панорама» Владимир Прибыловский предложил называть путинский режим не управляемой, а имитационной демократией [1]. Хотя надо отметить, что в период 2004–2008 гг. значительная часть либерального сообщества России относилась к власти довольно терпимо, а то и лояльно, особенно с учетом сбалансированной кадровой политики команды В.В. Путина и ее конструктивных отношений с Западом.

Тем не менее в период 2000–2008 гг. в России закладываются первые основы постсоветского государственного патриотизма. Опять же — на паритетной основе.

Так, к определенным советским «заимствованиям» относятся:

- «реваншистская» идея возрождения России в качестве сверхдержавы, альтернативной «большому Западу»;
- идея политического лидерства (вождизма);
- понимание государства как руководящего института, осуществляющего активную социальную политику;
- ориентация на восстановление «СССР 2.0».

Одновременно в идеологеме государственного патриотизма нашли отражение и приоритеты других исторических периодов — царского и «демократического».

В частности, из императорского прошлого в современный тренд госпатриотизма вошли «царистские» иллюзии (царь хороший, бояре плохие); определенная мессианская идея сохранения традиции и чистоты веры; стремление рассчитывать на собственные силы, на силовое обеспечение суверенитета страны (у России есть всего два надежных союзника — ее армия и флот). 1990-е гг. также не

прошли даром и повлияли на самосознание и политические ориентации россиян. Во-первых, они стали более прагматичны в своем патриотизме, начали все чаще увязывать собственное благополучие/неблагополучие с эффективностью/неэффективностью государственной политики. Во-вторых, при всей ностальгии по советским временам граждане РФ в 2000-е гг. оказались уже сильно вписаны в рыночные отношения и в своей массе (особенно горожане) не стремились вернуться в социалистическую экономику. При этом они по-прежнему весьма критично и даже непримиримо относились к олигархам, поскольку считали их не честными предпринимателями, а «нуворишами», которые приняли активное участие в развале страны. Более того, подобного рода настроения сохраняются у населения Российской Федерации до сих пор. Так, по данным ВЦИОМ, подавляющее большинство граждан крайне негативно оценивает деятельность «тузов» отечественного бизнеса, при этом, в целом, к предпринимательской деятельности отношение у них вполне терпимое. По словам генерального директора Центра В.В. Федорова, «...отношение плохое (к олигархам), и динамики тут никакой нет. Но есть олигархи, а есть бизнес, предприниматели. За последние восемь лет резко улучшилось отношение россиян к предпринимателям и резко выросло число тех, кто хотел бы заниматься бизнесом». Также он отметил, что, по мнению россиян, олигархи «каким-то непонятным способом поучаствовали в приватизации и захапали себе огромные, дорогостоящие куски того, что раньше называлось общенародной собственностью» [2].

Тесно связан с государственным патриотизмом был и так называемый стихийный патриотизм, который стал расти в «тучные нулевые» на фоне укрепления материального благосостояния россиян, а также политических и социально-экономических успехов страны. При этом влиянию данных настроений оказались подвержены люди из самых разных страт российского общества: от участников светской тусовки до бюджетников. Нередко он принимал неорганизованные, а то и скандальные формы. В этом плане можно вспомнить и глумление российских «патриотов» над немецкими туристами в Турции и Египте каждое 9 мая, и эпатажные эстрадные номера, вроде песни Глюкозы «Танцуй Россия и плачь Европа», и буйство отечественных фанатов на футбольных и хоккейных стадионах [3]. Одновременно в этот период среди таких относительно неполитизированных стихийных патриотов культовой личностью становится президент России

Владимир Путин. И хотя сам глава государства достаточно прохладно относился к таким настроениям, на этой почве возникла целая индустрия производства товаров с патриотической символикой, в том числе с портретом российского лидера.

В 2007–2008 гг. российский государственный патриотизм приобрел дополнительные черты. Во многом это было связано с актуализацией внешнеполитической проблематики и ростом противоречий между РФ и Западом.

Так, в ходе своего выступления на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 10 февраля 2007 г. Владимир Путин дал понять США и их союзникам, что Россия претендует на участие в мировой системе управления и выступает против сохранения однополярности. В частности, он заявил, что «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном, именно в современном, мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [4].

Жесткое выступление В. В. Путина вызвало крайне болезненную реакцию у западных партнеров, — они после 1991 г. уже не рассчитывали на сопротивление со стороны российской элиты, и одновременно — полную поддержку у населения России, которое увидело в данном факте первый шаг на пути восстановления сильной державы. Эксперты ВЦИОМ тогда отметили, что граждане «не воспринимают „новые акценты“ российской политики как угрозу безопасности. Более того, они фиксируют определенные позитивные сдвиги и связывают их как раз с более жестким внешнеполитическим курсом России, наметившимся в последние годы» [5].

Еще больше державно-патриотические настроения среди россиян укрепили югоосетинские события августа 2008 г. Агрессия прозападной Грузии против пророссийской непризнанной республики спровоцировала резкий рост антипатии населения РФ к Западу и его постсоветским сателлитам. Так, соцопросы, проведенные в годовщину пятидневной войны, выявили следующие настроения. Абсолютное большинство опрошенных (86%) одобрило силовые действия российского руководства по защите Южной Осетии. При этом большинство респондентов посчитало, что конфликт в августе 2008 г. разгорелся по вине либо Грузии (56%), либо «мировой закулисы», правительства США, спец-

служб (15%). Еще 1% опрошенных обвинили НАТО, ООН и власти Украины. Лишь 5% посчитали, что в конфликте виноваты амбиции его участников, 3% винили в развязывании августовской войны власти Южной Осетии, 2% — руководство России [6].

Надо отметить, что в 2007–2008 гг. жесткость внешнеполитического курса (зачастую очень тесно увязанного с курсом внешнеэкономическим) массово поддержало не только простое население России, но и большая часть истеблишмента. Топовые, элитные круги уже окрепли административно и экономически и рассчитывали при помощи активной внешней политики продвигать свои интересы не только внутри страны, но и за ее пределами.

Избрание на пост президента Российской Федерации Д. А. Медведева серьезно не повлияло на концепт государственного патриотизма. Во-первых, большинством элиты политическая рокировка 2008 г. не воспринималась как уход Владимира Путина от реальных рычагов управления. Во-вторых, новый глава страны также не стремился существенно пересмотреть наследие предшественника. В-третьих, державно-патриотические настроения среди народных масс были весьма сильны и устойчивы, что не давало возможности умеренным и либеральным кругам российской элиты проводить иной курс. В-четвертых, после прихода к власти в США президента Барака Обамы резко возросла конфликтность между Россией и Западом, а массовая патриотическая поддержка являлась сильным «козырем» Москвы в диалоге с зарубежными оппонентами.

Нужно отметить, что в период 2008–2012 гг. прежние идеологемы российского государственного патриотизма были дополнены двумя новыми трендами — концепциями инновационной модернизации и глобального акционерного общества.

Сама идея политической и экономической модернизации была не нова. Ее отстаивали еще демократы первой волны, указывая на «транзитный» характер постсоветской российской государственности. При этом они выступали за проведение модернизации по западным лекалам, которые предполагали широкую демократизацию, децентрализацию и разгосударствление. Однако опыт непопулярных реформ 1990-х гг. существенно дискредитировал данные принципы, и с середины 2000-х гг. во власти, экспертном сообществе и общественном мнении растет интерес к альтернативным, суверенным моделям обновления страны. В частности, это касалось модернизационных проектов Китая, Сингапура, Южной Кореи, которые предполагали проведение

эффективных экономических реформ при дирижизме сильной государственной власти [7–9].

Поэтому тема эффективной, инновационной модернизации стала одной из наиболее значимых в оптимизации идеологии государственного патриотизма. Завершив процесс внутривластной и внутриэкономической консолидации, власть предложила обществу выйти на новый уровень, соответствующий развитию ведущих стран мира начала XXI в. Процесс инновационного развития страны в пилотном режиме был запущен еще в 2005 г., когда появилась первая госкорпорация — Агентство по страхованию вкладов, а с 2008 г. он приобрел статус едва ли не национальной идеи. Так, например, в рамках своей президентской предвыборной кампании Д.А. Медведев обозначил политику «четыре И», одним из которых значились инновации. Одновременно полностью поддержал инновационный проект и В.В. Путин. В своем выступлении на расширенном заседании Госсовета 8 февраля 2008 г. он заявил, что перед Россией «стоит задача эффективно использовать накопленный опыт и ресурсы для следующего качественно иного этапа в развитии страны».

Надо сказать, что население России такую идею восприняло весьма позитивно, особенно с учетом того, что предлагаемая модель не предусматривала радикальных шагов и потрясений. Так, уже в 2007 г. в поддержку инновационного обновления страны высказывались 57% граждан, а в 2016 г. доля его сторонников возросла до 67% [10]. Элита также была заинтересована в реализации проекта инновационного развития России, поскольку его успех, с одной стороны, давал возможность повысить свои котировки в диалоге с западными партнерами, а с другой, позволял освоить весьма серьезные государственные вложения. Поэтому инновационная тема была поддержана практически всеми номенклатурными группами (И. Сечина, А. Чубайса, Д. Рогозина, С. Чемезова и др.) [11].

При этом инновационный энтузиазм населения поддерживался активной социальной политикой государства даже в условиях экономического кризиса 2008–2010 гг. Более того, социальная тема получила свое юридическое воплощение в виде целой серии так называемых майских указов В.В. Путина, которые он подписал при вступлении в должность главы РФ 7 мая 2012 г. Одновременно, несмотря на обострение конфронтации с Западом, в российской элите в 2008–2014 гг. еще существовали иллюзии относительно выстраивания с США и Евросоюзом пусть и прохладных, но конструктивных отношений,

базирующихся на принципах взаимной выгоды. Отсюда в этот период возникает и активно внедряется в патриотический дискурс идея глобального акционерного общества, которая предполагала ориентацию на интеграцию России в цивилизованное сообщество на правах признанного партнера (пусть и миноритария).

Однако уже достаточно скоро выяснилось, что Запад не готов идти даже на этот, весьма скромный компромисс с российским истеблишментом. После возвращения В.В. Путина на пост президента Российской Федерации американские и значительная часть европейских элит взяли курс на открытую конфронтацию с Кремлем, что нашло отражение в событиях «Майдана № 2» на Украине, крымских и донбасских событиях, санкционной политике.

Эскалация российско-западного конфликта вокруг украинской темы привела к резкому усилению державно-патриотической компоненты в идеологии отечественного государственного патриотизма. Так, в период 2014–2015 гг. с подачи власти весьма распространенной и популярной становится идеология русского мира, которая предусматривает объединение вокруг России русскокультурных территорий и даже стран [12]. Многие воспринимали данную идею как попытку РФ консолидировать вокруг себя все постсоветское пространство. Тем не менее данная идея, достаточно позитивно воспринятая населением РФ и даже определенной частью граждан постсоветских стран (например, Юго-Востока Украины), в целом была весьма холодно встречена российской элитой, которая в силу объективных и субъективных причин не была заинтересована в новой холодной войне с Западом. В результате жесткого давления ряда статусных политико-экономических групп на президента Российской Федерации в 2014–2015 гг. слишком категоричная идеология русского мира была вытеснена из информационного и политического пространства страны. Тем не менее она, как и прямо противоположная ей идея глобального акционерного общества, продолжает оставаться в резерве на случай изменения политической конъюнктуры в том или ином направлении.

Что же касается населения России, то с 2014 г. по настоящее время оно по-прежнему продолжает придерживаться воззрений государственного патриотизма и в целом одобряет жесткий внешнеполитический курс администрации В.В. Путина. Так, по данным ВЦИОМ, на март 2017 г. 59% граждан заявляли, что они готовы терпеть определенные экономические трудности и лишения и поддер-

живать политику российского руководства на международной арене, в том числе на Украине [13].

Таким образом, в настоящий момент концепт российского постсоветского государственного патриотизма включает в себя (в разных пропорциях) следующие идеологемы:

- суверенной демократии;
- управляемой демократии и политической стабильности;
- инновационного развития экономики;
- возрождения великой державы мирового значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сова. Информационно-аналитический центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/democracy/publications/2005/03/d3986>.
2. RT на русском [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/364043-vciom-rossiyane-otnoshenie>.
3. Радио Свобода [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/370832.html>.
4. Сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.
5. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=4191>.
6. Кавказский узел [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/157523/>.
7. Федотова В.Г. Неклассическая модернизация и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2001. № 12.
8. Тулеев А.М., Шатилов С.В. Россия перед прыжком. М., 2004.
9. Федоровский А.Н. Феномен чэболъ. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. М., 2008.
10. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115737>.
11. Шатилов А.Б. Инновационное развитие Российской Федерации и интересы ведущих элитных сообществ // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 8 (46). С. 14–20.
12. Политическая Россия. Общественно-политический интернет-журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://politrussia.com/society/ruskiy-mir-918/>.
13. Российская Федерация сегодня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia-today.ru/new.php?i=10047>.

REFERENCES

1. Sova. Information and analysis center [Sova. Informacionno-analiticheskij centr]. Available at: <http://www.sova-center.ru/democracy/publications/2005/03/d3986> (in Russian).
2. RT in Russian [RT na russkom]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/news/364043-vciom-rossiyane-otnoshenie> (in Russian).
3. Radio Svoboda. Available at: <https://www.svoboda.org/a/370832.html>.
4. Website of the President of Russia [Sajt Prezidenta Rossii]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (in Russian).
5. VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=4191> (in Russian).
6. Caucasian knot [Kavkazskij uzел]. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/157523/> (in Russian).
7. Fedotova V. G. Nonclassical modernization and alternatives of the modernization theory [Neklassicheskaja modernizacija i al'ternativy modernizacionnoj teorii]. *Voprosy filosofii – Philosophy Questions*, 2001, no. 12 (in Russian).
8. Tuleev A. M., Shatilov S. V. Russia before a jump [Rossija pered pryzhkom]. Moscow, 2004 (in Russian).
9. Fedorovskij A. N. Phenomenon chjebol' [Fenomen chjebol']. Gosudarstvo i krupnyj biznes v respublike Koreja. Moscow, 2008 (in Russian).
10. VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115737> (in Russian).
11. Shatilov A. B. Innovative development of the Russian Federation and interests of the leading elite communities [Innovacionnoe razvitie Rossijskoj Federacii i interesy vedushchih elitnyh soobshhestv]. *Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki – Regional problems of transformation of economy*, 2014, no. 8 (46), pp. 14–20 (in Russian).
12. Political Russia. Social and political online magazine [Politicheskaja Rossija. Obshhestvenno-politicheskij internet-zhurnal]. Available at: <http://politrussia.com/society/ruskiy-mir-918/> (in Russian).
13. Russian Federation today [Rossijskaja Federacija segodnja]. Available at: <http://www.russia-today.ru/new.php?i=10047> (in Russian).